

данной риторической концепции. С одной стороны, в нем легко обнаруживается следование правилам стиха, стиля, грамматики и т. д. Выше — на примере стиховой организации — я пытался продемонстрировать, что эти правила соблюдаются чрезвычайно точно и последовательно. То же самое заметим и при обращении к другим уровням — хотя бы лексическому. С другой — как в любой ломоносовской оде, в «Вечернем размышлении...» мы видим произвол, обусловленный семантическими сдвигами, вводящими языковую неоднозначность,²⁵ что описал в своей классической работе 1927 г. Г. А. Гуковский: «Для Ломоносова характерна борьба с обычным значением слова в языке. Слово, связанное своим конкретным, так сказать земным значением, мешает его полету ввысь; оно должно утратить свое бедное, простое значение и воспарить в абстракцию. <...> Отсюда характеризующие стиль Ломоносова резкие метафоры, смелые эпитеты, нарушающие логическую связь понятий и т. д.»²⁶ Происходят постоянные смысловые трансформации, казалось бы, неправильные, противоречащие законам грамматики, словоупотребления, причем подобная неправильность носит тотальный характер. Перед нами — явное нарушение правил, но, что очень важно, нарушение, само являющееся правилом. Дело в том, что взрывающие привычное словоупотребление тропы регламентируются самим Ломоносовым, они — следование правилам, наиболее отчетливо сформулированным в главе 7 «О изобретении витиеватых речей» части I «О изобретении» «Краткого руководства к красноречию...», на что указывал Г. А. Гуковский. При этом данное нарушение правил не делает оду непонятной, оно свидетельствует о другом — о творческих возможностях ее автора. С. И. Монахов — пользуюсь приятным случаем выразить ему свою глубокую благодарность — обратил мое внимание на следующий факт: семантические сдвиги особо ощутимы во фрагментах, выражающих позицию самого поэта, то есть творца текста. Первая строфа, описывающая последовательно наступление вечера, при ее семантической сдержанности завершается мощным смысловым финалом — «Две заключительные смежные строки создают свои образы, порою достигающие непревзойденной смелости и силы:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна».²⁷

Слова употребляются здесь, собственно, в своем прямом значении, но грандиозность возникающей картины поднимает их над «бедным, простым значением», они как бы «воспаряют в абстрак-

²⁵ Там же. С. 143.

²⁶ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 17.

²⁷ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1978. С. 315.